Ранний Самойлов

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И СТИХИ ДАВИДА САМОЙЛОВА 1934 — НАЧАЛО 1950-Х

BOOKS.VREMYA.RU
HTTP://BOOKS.VREMYA.RU

Диалог (Время)

Давид Самойлов

Ранний Самойлов: Дневниковые записи и стихи: 1934 – начало 1950-х

«ВЕБКНИГА»
2020

УДК 821.161.1-3 + 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6

Самойлов Д. С.

Ранний Самойлов: Дневниковые записи и стихи: 1934 – начало 1950-х / Д. С. Самойлов — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Диалог (Время))

ISBN 978-5-9691-2004-4

Самойлов будто сознательно «утаивал» свои стихи 1940-х годов, опубликовав лишь очень немногие. Он считал их еще незрелыми, что подтверждалось прохладными оценками его друзей, когда-то восторженно принимавших его юношеские, довоенные стихи. Однако в последние годы восприятие его ранней поэзии меняется. Конечно, стихи неровные, что свойственно ученичеству, но среди них немало и блестящих, с мощным, свежим дыханием, недооцененных современниками, поскольку опередили свое время. Цель книги, объединившей его сочинения 1930–1940-х годов с дневниковыми записями о поэтах и поэзии, – показать динамику творческого развития автора, наглядно продемонстрировать, как поэт, по его собственным словам, «готовился, как приуготовлялся».

УДК 821.161.1-3 + 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9691-2004-4

© Самойлов Д. С., 2020
© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Александр Давыдов. «Утаённый» Самойлов 6
1934–1941 9
Из дневниковых записей 9
1934 9
1935 9
1936 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Давид Самойлов
Ранний Самойлов: Дневниковые записи и стихи: 1934 – начало 1950-х.

Художественное электронное издание
Составление, вступительная статья и комментарии Александра Давыдова
Дизайн, макет – *Валерий Калныньш*

Редактор *Лариса Спиридонова*
Художественный редактор *Валерий Калныньш*
Корректор *Елена Плёнкина*
Верстка *Светлана Спиридонова*

© Давид Самойлов, наследники, 2020
© «Время», 2020

⁂

Александр Давыдов. «Утаённый» Самойлов

В предвоенные годы Давид Самойлов (1920–1990) казался поэтом быстрого развития таланта. В конце тридцатых – начале сороковых он входил в популярный среди московской литературной молодежи кружок учеников знаменитого в ту пору Ильи Сельвинского – вместе с Павлом Коганом, Михаилом Кульчицким, Борисом Слуцким, Сергеем Наровчатовым и Михаилом Львовским. Учившийся в Педагогическом институте Николай Глазков писал в своей ранней поэме «По Глазковским местам»:

…А рядом мир литинститутский,
Где люди прыгали из окон
И где котировались Слуцкий
Кульчицкий, Кауфман и Коган…

Притом что Давид Самойлов, тогдашний Дезик Кауфман, был студентом ИФЛИ. От его довоенного творчества сохранилось всего несколько законченных стихотворений, из которых в свой первый сборник «Ближние страны» (1958) он включил только «Софью Палеолог», но его «Плотников», «Охоту на мамонта» ифлийцы помнили наизусть и через много лет. Сам он весьма уважительно относился к своим юношеским стихам, записал в дневнике: «Если бы я умер двадцати лет, сказали бы, что из меня мог получиться гениальный поэт. Стоит ли жить до шестидесяти, чтобы доказать обратное» (25.12.1945)[1]. Тут, однако, заметны неудовлетворенность своими более поздними сочинениями и скепсис в отношении творческих перспектив.

В дальнейшем Самойлов будто сознательно утаивал свою поэзию военных лет, не один раз и устно и письменно утверждая, что на фронте стихов не сочинял, а вообще во время войны «писал редко и плохо». (Как увидим, не так уж редко и совсем неплохо.) Но утаивал также и поэзию послевоенную: в «Памятных записках» он с неизжитой горечью вспоминал о «провале» в конце сороковых своих произведений в доброжелательном дружеском кругу и критическом к ним отношении своего ближайшего друга, во многом поэтического наставника, Бориса Слуцкого. И вывод: «Мой поэтический дебют был во всех отношениях неудачен, от него стихов не осталось»[2]. Речь шла именно о «втором дебюте», противополагавшемся удачному «первому». Он этому находит объяснение: «Наше поэтическое развитие было ненормальным. Оно прервалось в 20 лет. Когда мы вернулись с войны, мы были 25-летними людьми и 20-летними поэтами»[3]. Однако Самойлов все-таки поместил в «Ближние страны» целых тринадцать стихотворений поры своего «неудачного дебюта», некоторые чуть подправив: «Осень сорок первого», «Семен Андреич», «Жаль мне тех, кто умирает дома…», «Тревога», «Элегия», «Крылья холопа», «Апрель», «Город зимний», «Извечно покорны…», «В переулке московском старинном…», «Снежный лифт», «Иван и холоп», «Смерть Ивана». Еще несколько можно отнести к этому периоду предположительно. А спустя годы напечатал в сборниках стихотворения «Гончар» («Дни», 1970); «К вечеру», «Перед боем», «Муза», «Рубеж», «Катерина», «Мы зябли, но не прозябали…», «Берлин в просветах стен без стекол…» («Залив», 1981, выделено в особый раздел ранних стихов); «Томление Курбского» («Голоса за холмами», 1985) и переработанный вариант «Баллады о конце мира» («Горсть», 1989). Можно вспомнить и его неудачную

[1] Здесь и далее дневниковые записи приведены по кн.: *Д. Самойлов*. Поденные записи: в 2 т. Т. 1. – М.: Время, 2002 (кроме записей с 3 февраля по 23 апреля 1943 г.).

[2] *Давид Самойлов*. Памятные записки. – М.: Время, 2014. С. 211.

[3] *«Баллада о конце мира»* – к работе над балладой ДС вернулся ровно через сорок лет. Ее переработанный вариант напечатан в его книге «Горсть» (М.: Советский писатель, 1989) под названием «Баллада о конце света» и с подзаголовком: «Из блокнота 41 года». Здесь публикуется первоначальный вариант.

попытку публикации поэмы «Шаги Командорова»[4]. Значит, стихи все же остались, даже с его точки зрения. Однако подавляющую часть своих ранних сочинений он так и не опубликовал, причем вовсе не по цензурным соображениям: явно непригодными для советской печати были только поэма «Соломончик Портной» и стихотворение «Бандитка».

Уверенность в своем призвании вернулась к Самойлову в середине пятидесятых. Рубежом ученичества он считал поэму «Чайная» (1956): «После “Чайной” я стал писать, как сам умел»[5]. К 1961 году, когда поэма была опубликована в знаменитом альманахе «Тарусские страницы», она была уже хорошо известна литературной Москве. Действительно, после «Чайной» (также еще до публикации были высоко оценены «Стихи о царе Иване») в кругу московской интеллигенции, пока не широком, но – высшей квалификации, Самойлова наконец безоговорочно признали талантливым поэтом. Не только сверстники, но и авторитетнейшие писатели старшего поколения – Ахматова, Заболоцкий, Маршак, Чуковский. А до широкого признания оставалось еще полтора десятилетия. Формулировку Бориса Слуцкого «широко известный в узких кругах» Самойлов обидчиво принял на свой счет и, видимо, не напрасно.

Почти целиком утаивший эпоху своего творческого становления, Самойлов уже в первых книгах квалифицированным читателям и литературным критикам сразу открылся как «готовый» поэт, словно миновавший ученичество, что он сам удовлетворенно отметил в кратком предисловии к подборке ранних стихов в сборнике «Залив».

Но действительно ли «плохи» ранние сочинения Самойлова? Конечно, произведения неровные, во многих заметны свойственные ученичеству пробы и ошибки, но ведь немало и блестящих, с мощным, свежим дыханием, за которыми, к примеру, критик Сергей Чупринин признал «титаническую силу». Возможно, в своих ранних стихах Самойлов еще не освободился от внешних влияний, но по своему чувству, поэтическому дыханию они не менее вольны и своеобычны, чем написанные «как сам умеет». «Чайная», скорее, не открыла новый, а завершила прежний этап его творчества. В последующих сочинениях все больше чувствовался «зрелый Самойлов», который пришелся «впору» своему времени. Любовь к его творчеству широкого круга российской интеллигенции и радовала Самойлова, но, судя по дневниковым записям, и тяготила отчасти как нечто обязывающее. Не вдаваясь в филологические тонкости, задамся вопросом: не потому ли ранние стихи Самойлова были отвергнуты своей эпохой, что ее опередили, поскольку еще не сформировался их читатель? А поэт так или иначе подвержен общему мнению.

Думаю, перефразируя цитату из дневника, можно сказать: если бы Самойлов умер в тридцать лет, творчество поэта когда-нибудь «открыли бы», как не позабыты несколько замечательных стихотворений его рано умершего друга Семена Гудзенко (а ведь вспомнили и погибших совсем юными Когана и Кульчицкого). Судя по тому, что сейчас в интернете выложены многие стихи Самойлова 1940-х, происходит переоценка его раннего творчества.

Представляется мотивированным обозначить ранний период поэзии Самойлова уже названной условной границей – тридцатилетие. Условной во всех смыслах: из-за трудностей датировки, некоторые сочинения могут слегка выходить за установленный предел. Заканчивается поэтическая подборка одним из самых известных стихотворений Самойлова «Смерть Ивана», которое тоже можно счесть рубежом его становления.

Главная задача этой книги, многие произведения из которой, напечатанные уже после смерти автора, были разбросаны по журнальным публикациям, а некоторые вообще никогда не публиковались, – в полноте представить читателю «утаённого» Самойлова. Известно его рассуждение из воспоминаний о Заболоцком: «Я думаю, что живые не должны полностью считаться с поэтом. Когда он умер, нужно издавать все, что осталось. ‹…› А потомки из оставше-

[4] См. запись от 21.02.1948 г.

[5] Памятные записки. С. 213.

гося материала пусть построят еще один дом или пристройку. И поэт в целом есть эти два дома»[6]. Теперь этот «второй дом» Самойлова постепенно обживается.

Блоки сочинений, относящихся к его различным жизненным этапам, предваряются дневниковыми записями со стихотворными набросками или высказываниями о поэтах и поэзии, чтобы показать динамику творческого развития автора, наглядно продемонстрировать, как поэт, по его собственным словам, «готовился, как приуготовлялся».

Александр Давыдов

[6] Памятные записки. С. 507.

1934–1941

Из дневниковых записей

1934

09.12

Дома и в школе скука, скука, скука. Хочется писать, о чем – не знаю. Эх! Написать бы что-нибудь хорошее и лирическое. К сожалению, не могу. Наверное, от этого что-то накопилось в сердце[7].

12.12

Читаю поэму Генриха Гейне «Германия». Замечательная вещь. Вот это поэт! Сегодня передавали по радио «современного Гейне» – «поэта» Светлова. Куда ему! Пишет: «в теплушках трамвая»… Дурак![8]

15.12

Между прочим, в библиотеке нашей школы нашел стихи моего любимца В. Брюсова.

Поэзия успокаивает меня. Когда я пишу стихи, то я чувствую, что все плохое уходит и в сердце остается только легкое и хорошее. К сожалению, теперь нет хороших поэтов, да и вообще искусства не могут развиваться при диктатуре, какой бы то ни было. Я знаю, что пролетарская наша диктатура, в которую я врос плотью и кровью, нужна теперь, чтобы задушить врага, но тем не менее и она препятствует развитию искусства.

28.12

Все эти дни не писал в дневник, потому что не хотелось. За это время написал два стихотворения в лирическом духе. В последнее время мне не хочется писать стихотворений борьбы и на всякие общественные мотивы. Я удаляюсь в заоблачные выси поэзии. Возможно, что это влияние Брюсова. Я увлекаюсь его чудесными стихами. Каждая строфа там отшлифована и блестяща, как бриллиант.

Читал свои стихи писателю Кривошапке[9]. Он говорит, что простота есть и стиль оригинален, но способы выражения мысли еще слабы. Это меня очень огорчает. Наверное, я никогда не буду значительным поэтом. Мои стихи просто юношеское увлечение. В общем – буза!..

1935

03.01

Вчера вечером написал стихотворение «Иш-хоанг-ти». Мне кажется, что я стал писать гораздо лучше за последнее время и техника прибавилась. Мне хотелось бы показать кому-

---

[7] В настоящем издании дневниковые записи приведены как полностью, так и частично. Сохранены авторские особенности орфографии и пунктуации.

[8] В дальнейшем Давид Самойлов изменил свое отношение к Михаилу Аркадьевичу Светлову (1903–1964); см. записи от 15.04.1948 и 25.05.1948.

[9] *Кривошапка* – видимо, писатель Илья Григорьевич Кривошапкин (1884–1985), писавший под псевдонимом Леонид Викентьев.

нибудь свои произведения. В. Г-ич[10] почему-то не хочет ни сказать мне конкретного мнения о них, ни посодействовать рекомендацией к какому-нибудь знатоку. Он хорошо знаком с Шенгели[11].

Другие люди, которые читают мои стихи, вообще в поэзии смыслят как свиньи в апельсинах и отделываются фразами: «Прекрасно! Восхитительно! Ну прямо будущий Пушкин!» Или: «Стиль оригинален», «Мысли хороши», «Нужно над собой работать» и т. д. Поэтому я наотрез отказался читать стихи таким людям и прячу их, уходя, а то родители достают их и читают.

Теперь я окончательно закончу «Жакерию» и отошлю ее Горькому.

05.01

Папа принес «Чапаева»[12], напечатанного на машинке. Я хочу его отдать печатать в какую-нибудь газету. Интересно. Но все-таки страшно, а вдруг все мои писания, плоды всех моих трудов – всего лишь пустая трата времени. Это будет для меня очень большой удар, так как я люблю поэзию всей моей душой.

09.01

Сегодня ходил к редактору «Пионерской правды». Понес стихи. Он посмотрел «Чапаева», раскритиковал зверски. Сказал, что, быть может, писателя мы из тебя и не сделаем, но ты будешь грамотным человеком. Поглядел стихи. Расчеркал, раскритиковал. Нет! Никогда я не буду поэтом! Никогда! Все это ерунда, но все-таки это очень грустно. Вот возьму и сожгу всю эту размазню. Образы, эпитеты. Слова, рифмы – все чертовски бузово. Пора кончать разводить писанину.

Редактор этот велел мне приходить 11-го в 7 ч. вечера. Там будут ребята, которые пишут. Я не пойду – к чему зря терять время.

10.01

Поразмыслив, я думаю, что мое положение не так уж плохо. Мало ли кого ругала критика? Взять Пушкина, Некрасова и др. А такой критик, как этот, особого авторитета не представляет. Я исправлю все свои недостатки, буду работать над собой и…

Еще не такие трудности придется мне преодолеть. Главное – не отступать. «Тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет» – верные слова, которые я слышал мельком, идя вчера из театра.

04.02

Сейчас я хочу написать страшную поэму, продолжение «Сна», примерно такового содержания.

Я плыву по какой-то широкой реке в лодке. Рядом со мной таинственный спутник, одетый во все красное. Он молчит, и мне страшно. Мы едем дальше. Река разделяется здесь на три протока: Проток Пота, Проток Слёз, Проток Крови – и впадает в Океан Горя.

Между этими протоками два острова. Один – небольшой – полон чудной растительностью, прекрасными птицами и пр. В центре его стоит Золотой замок, где живет страшный великан. Второй – большой, скалистый и печальный остров. В центре его большая дыра, ведущая в подземелье, охраняемая тремя страшными псами. Таинственный спутник высаживает меня на

---

[10] *В. Г-ич* – Ян (настоящая фамилия Янчевецкий) Василий Григорьевич (1874/1875–1954), прозаик, друг семьи ДС (см.: ПамЗ, гл. «Василий Григорьевич»).

[11] *Шенгели Георгий Аркадьевич* (1894–1956) – поэт, переводчик, теоретик стиха.

[12] *«Чапаев»* – утерянное раннее стихотворение ДС. о посещении «Пионерской правды» см. ПамЗ, с. 110.

берег и говорит, чтобы я спустился вниз, в подземелье, и освободил томящихся там людей. Для того чтобы это сделать, нужно их заставить самим развернуть красное знамя и достать факел свободы, который ослепит страшного великана, посадившего сюда людей. Я спускаюсь вниз и, пройдя через многие опасности, достигаю огромной залы, где в страшных мученьях трудятся люди, охраняемые псами. Я вскакиваю на камень и пламенной речью призываю их к освободительной борьбе. Злобные псы кидаются на меня, но я успеваю зажечь факел свободы, свет которого ослепляет их и будит рабов, которые кидаются на псов, кирками, кандалами разбивая им головы, душа их руками и впиваясь голодными зубами в их горла.

С диким криком следуют они за мной из темного подземелья наружу. Кидаются в воды и захватывают замок своего врага-великана, который сначала, ослепленный светом факела, кидается на людей и вступает с ними в битву. Но в это время появляется мой таинственный спутник, вид которого приводит в ужас великана, и, пронзив его кинжалом, бросает в реку. После этого он скидывает красный капюшон со своей головы, и все видят его благородное лицо, озаренное светом факела.

Может быть, это глупо. Фантастично, несовременно, но тем не менее я постараюсь написать это, хотя аппетит писания на сегодня у меня пропал.

09.02

«Только грядущее область поэта!»[13] – писал Брюсов. Хотя и не смею причислять себя к священному лику поэтов, но проблема грядущего очень меня интересует.

05.03

Стихи не пишутся и не лезут в голову. Торчит только одна глупая строчка:

снится,
Как мчит таинственная ночь
на золоченой колеснице.

И точка.

Как жалкий цвет растет в тени,
Так я живу печальный, хилый.
О, Р… на меня взгляни
И назовись моею милой.
Твой голос нежен, как свирель,
Он глубоко пронзает душу,
Твою божественную трель
Я целый день готов бы слушать.
Взгляни, пускай заря любви
Нас озарит прекрасным светом,
Моей души не отрави,
Пригрей несчастного поэта…

09.03

[13] *Только грядущее область поэта!..* – строка из стихотворения Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) «Юному поэту» (1896). Когда ДС был еще младенцем, его семья снимала комнату в одной квартире с поэтессой и переводчицей Аделиной Ефимовной Адалис-Эфрон (1900–1969); см. запись от 13.04.1937. К ней часто заходил Брюсов и даже, по семейной легенде, как-то раз убаюкивал новорожденного ДС. Поэтому он в детстве считал, что это стихотворение обращено к нему лично.

О чем писать? Иссякли мысли,
Устало быстрое перо,
Как тучи тайные нависли
Вопросы пламенных миров.
В бездонной тьме вы точки света,
Вы, указующие путь,
Вы вдохновение поэта
Влили в тоскующую грудь.
Когда, как будто черным шелком,
Положит вечер свой покров,
На вас, о звезды, диким волком
Завыть в экстазе я готов,
А на поляне, там, где черти
С усмешкой шепчутся в кустах,
Плясать безумный танец смерти
С кровавой пеной на устах.
Я зверь, я дик, я жажду крови,
Я в горло впить желаю клык,
Безумный взгляд мой жадно ловит
Последний стон, последний крик.

А после, в липкой теплой луже
Умыв лицо, опять плясать
И наводить безумьем ужас
На молчаливые леса.
И засмеяться диким смехом,
Звенящим гулко, будто сталь,
Чтоб после долго громким эхом
Переговаривалась даль.
Пускай кричат о злобе совы,
Кому не страшен я теперь?
Задвиньте крепкие засовы,
Не то вернусь! Я зверь, я зверь!
……
Ваш тайный свет налил мне в душу
Безумье силы в этот час,
И нет того, что не разрушит
Мой разрушающий экстаз.

03.09

Читал Тургенева и восхищался задушевной дикостью и яркостью «Песни о Гайавате».

06.09

Два друга у меня, с которыми делю я
Волнения и страсти жизненной игры.
Совместно радуясь и вместе негодуя,
Справляем юности безумные пиры.

Один из нас отбросил пылкие мечтанья,
Туманной тени грез его не ищет ум.
Опора наша в нем, в его самобладаньи,
В суровой глубине его правдивых дум.
Другой мой лучший друг, безумец и мечтатель,
Прелестных глаз и чудных губок обожатель,
Он юность размышленью посвятил.
Ему дороже всяких развлечений
Святые недра увлекательных учений
О всех системах неизведанных светил.
Я третий. Фантазер, гордец честолюбивый,
Неведомый певец непризнанных стихов,
Всегда влюбленный и слезливый,
Для радостных минут отдать себя готов.
Виденья светлых муз одна моя отрада,
Созвучия стихов я рад всегда впивать.
За песни за мои мне взор любви награда,
За звуки нежных слов готов я обожать.

10.10

Эта моя любовь не похожа на все эти интрижки, когда «да» было целью.
Нет, это чувство так же сильно и чисто, как чувство мое к Р. К… и еще более сильно.

В гирлянды слов вплетаю, как цветы,
Я о тебе прекрасные мечты.
В моей груди всегда рождаешь ты
Могучий дух любви и чистоты.
Тебя люблю, как тайны юных грез,
Взлелеянных под шепотом берез.
Ты вся чиста, как жемчуг детских слез,
Как лепестки моих любимых роз.
В тебе одной прекрасен светлый мир,
Тебе одной моих звучанье лир,
Ты идеал, ты счастье, ты кумир,
С тобой хочу свершить безумья пир.
У ног твоих готов я век лежать
И лишь «люблю» смиренно повторять.
Тебя одну безмолвно созерцать
И не желать, не думать и не ждать.
И выливать игру страстей моих
В витанье звуков, в заунывный стих.

18.11

Все идет хорошо. В классе я во главе группы нескольких ребят повел решительную борьбу против мещанских пережитков, процветающих в нашей школе. Последние дни вокруг поднимаемых мной вопросов разгорались ожесточенные споры. Вчера был устроен диспут о неофутуризме (так называется моя группа), где я в продолжительном докладе провозглашал основы коммунистической этики. Как водится, нашлись и противники, которые заявили, что в пионерской организации недопустимы какие-либо фракции или общества. На это я им отве-

чал, что мы не фракция и не общество, что мы ничего общего с футуризмом Маяковского не имеем и являемся передовым отрядом пионерорганизации, ее активом. Спор продолжался часа три, причем в числе моих противников выступал, конечно, и Бобчинский. В конце концов футуризм как идея победил. Осуждена была только форма.

29.11

Во-первых, я занимаюсь сейчас изучением этики, во-вторых, замышляю написать обширную теорию поэзии, но не в отношении правил стихосложения или теоретического построения стиха или прозы (здесь я не очень силен, чутье заменяет мне знание). Трактат этот будет приблизительно таков: сначала определение искусства вообще и подразделение его, затем уже о поэзии, об источниках ее, о причинах, о сущности, о значении в общественном отношении.

Кроме того, там будут затронуты вопросы значения теории поэзии, о таланте, о вдохновении, об отношении творчества к среде и эпохе, о будущем поэзии и т. д.[14]

06.12

А как интересно жить! Как ничтожны минуты горести, как низменны эти личные интересы!

Я обрел мир: я уверовал в свой талант. Всего удивительней, что убедил себя в этом я сам, сам убедил и сам уверовал.

Позавчера был у меня Герман. Он, оказывается, неплохо разбирается в поэзии. Он заявил, что не ожидал от меня таких стихов, а последнее стихотворение мое ему даже понравилось. Показывал я стихи и Пуцилло[15]. Он сказал, что писать я могу. Но не нравится ему «высокий штиль» и отсутствие современных мотивов. В пример он приводил Некрасова: простота и выразительность. Он прав. Нужно найти прекрасное в настоящем. Сейчас ищу я тему для монументального произведения из эпохи Гражданской войны.

28.12

Читал стихи Гюго.

По форме замечательны: «Турнир короля Иоанна» и «Джинны». Стихотворение «Буна-берды» нравится своей поэтично-суровой торжественностью.

Вообще более ценными я считаю стихотворения, созданные поэтическим чувством Гюго, а не его публицистическим жаром.

30.12

Бесшабашный разгул, беспредельная и беззаботная Русь, ржаные просторы, просто крестьянская грусть – это поэзия Есенина.

Я не читал ни одного поэта, который бы мог так хорошо передать настроение, так сильно заставить грустить, желать, тонуть с собой.

Есенин пьян своей поэзией, он тонет в ней, он махнул рукой на мир, он мучительно отрывает куски своей души и воплощает их в звучные строфы.

Его мотивы… Упадничество… Но разве заставишь соловья петь по-другому? И в конце концов, разве уже так важно, что он поет? Нет, важно, как он поет.

И вообще, разве сам поэт находит себе слова и мысли? Нет. Их внушает ему эпоха, среда; в себе он находит только поэтическую силу, только талант певца, чтобы пропеть эти слова, мысли и чувства.

---

[14] Этот свой полудетский замысел ДС не забыл. См. наброски «эстетического трактата»: записи от 15.04.1943 и 23.04.1943.

[15] *Пуцилло Владимир Петрович* (1920–1995) – одноклассник ДС по школе № 24, инженер, кандидат технических наук.

Многие поэты ошеломляют блестящей техникой, оригинальной формой. Есенин привлекает мягкой лирической простотой.

И есенинская форма как раз под стать содержанию. В ней также много гибкости, мягкости и вместе с тем неподвижности. Замечательно оригинальна рифма, хотя критики обычно считают рифму не важным атрибутом поэзии. По-моему же, рифма придает больше привлекательности стиху и является внешним показателем технических возможностей поэта.

Многие стихотворения прекрасно технически и формально исполнены. «Шаганэ» – шедевр.

Да, прекрасный поэт Есенин! Настоящий большой лирический поэт, которого можно любить, которому можно подражать, отбросив его печальные настроения.

1936

14.01

Вчерашний вечер был для меня знаменательным. Давно не испытывал я чувства такого глубокого счастья, которое испытано было мною вчера!

Но я лучше попытаюсь рассказать все по порядку, вдобавок и мне нужно разобраться во всем, что было сказано, решено, прочувствовано.

Итак…

Вчера к нам пришла Е. В.[16] и привела с собой критика Ярополка Семенова[17]. Это молодой человек (лет около тридцати), высокий, красивый с живыми глазами. Пришел он к нам впервые и сразу внушил к себе всеобщие симпатии. Судя по виду его и речам, он кажется человеком искренним, живым, увлекающимся. Я, по крайней мере, просто влюблен в него. Он первый судил меня и указал мне мое место, мое призвание и мой путь.

Я начал читать ему стихи. Первыми прочел я песни из «Спартака»[18]. Он прослушал внимательно и сказал: «В этих песнях мне нравятся две вещи. Во-первых, честная работа. Эти песни похожи на хороший перевод, кропотливо и честно сделанный. В них не видно еще самостоятельности, но если эта честность останется у тебя и впредь, то ты сможешь много сделать. Во-вторых, мне понравилась сама подача Рима. Обычно он изображается в напыщенно-торжественных строках, а тут видно действительное нутро его».

Я принялся читать дальше. Прочел «Жакерию»[19]. Она тоже вызвала благосклонный отзыв.

После эпики я принялся за лирику. Прочитав «Блуждания», я взглянул на него. Лицо его было сурово. «Знаешь что, а это хуже, гораздо хуже. Стихотворение это звучит протестом против всех блестящих формальных достижений. Я согласен, что современная поэзия тенденциозна, но не следует игнорировать хорошего. Эти мысли твои вложены в рамки традиционного классического стиха. Ты сбился с пути. Вот, например, твои анапесты идут к Надсону[20]. Если ты пойдешь слепо – ты пропал».

Ну разве не прав он? Я обещался ему сойти с дорожки и протаптывать ее сам.

Мы долго говорили еще потом. Я не могу описать всего того, что сказал он. Я приведу только отрывки, которые запомнились мне, которые я поставил себе как вехи к достижению своей цели.

---

[16] *Е. В.* – Евгения Васильевна Можаровская, приемная дочь В. Яна, театровед. См. ПамЗ, с. 78, 130–131.

[17] *Семенов Ярополк Александрович* (1906–1950) – поэт, критик. В 1948 был арестован за «контрреволюционную пропаганду» и через два года расстрелян. Упоминается в мемуарной литературе о Марине Цветаевой. См. ПамЗ, с. 131–133.

[18] *«Спартак»* – драма в стихах по мотивам одноименного романа В. Яна.

[19] *«Жакерия»* – ранняя поэма ДС о крестьянском восстании во Франции (XIV в.); см. также комментарии к 1941 году.

[20] *Надсон Семен Яковлевич* (1862–1887) – популярный в конце XIX века поэт.

«У тебя несомненно глубокий дар, но если ты хочешь чего-нибудь добиться, то должен честно и упорно работать. Ты будешь велик только тогда, когда потомство сможет сказать: он был образованнейшим человеком своей эпохи».

«Поэт должен быть так же недоверчив к себе, как и самоуверен».

«У тебя, мне кажется, большая воля. Хорошо, что ты веришь в себя».

«Принимай во внимание все мнения, но знай себе цену».

Папа спросил: «Ну что, можно ли пить за будущего поэта?» И он ответил: «Да».

Так значит – я поэт!!! Хо-хо! ПОЭТ!

Расстались мы лучшими друзьями. Вот человек, который дал мне мой катехизис.

Талант мой он охарактеризовал так: «У тебя талант не как у Есенина. У того он бил ключом. В тебе он скрыт. Его талант – самородок. Твой талант – золотой песок. Много труда и времени нужно, чтобы извлечь из него золото. Ты не будешь как Есенин, ты будешь как Гёте».

Я и Гёте! Прекрасное сочетание!

24.01

Позавчера был у Ярополка. Он читал свою новую повесть. Он хороший критик. Но плохой писатель. Я думаю через него познакомиться с Кирсановым[21].

28.01

Занялся древностью и стихами. К величайшему удивлению Жоржа[22], увлекся Ксенофонтом[23] и Полибием[24]. Давно уже хотел я заполнить свой пробел в истории и надеюсь успешно это сделать.

Кроме того, принялся за драмы Сенеки[25]. Прочел «Медею». По правде сказать, скучновато. Впрочем, может быть, что в древности эти недостатки были достоинствами. Во всяком случае, длиннейшие монологи утомляют, хоры, не менее длинные, раздражают, диалоги искусственны, движения нет…

Перевожу отрывки из Гюго.

30.01

Я взял незнакомую книгу незнакомого писателя и хочу составить себе о нем определенное представление. Человек этот – Игорь Северянин. О его сборнике «Громокипящий кубок»[26] и буду писать я сегодня.

Так всегда бывает у больших талантов, в периоды безвременья, реакции, упадка, декадентства. Человек начинает жить только собой, он начинает презирать мир, ему кажется низким человек и бедным его язык. Он изобретает свой язык, свои слова, чтобы изобразить свои чувства. Такими словами изобилуют поэмы Северянина.

Поэт одинок и затравлен, поэтому мы многое можем простить ему, но нельзя не признать его блестящим поэтом и тонким мастером формы. Его «Рондели», «Nocturno», «Квадрат квадратов» и многие другие вещи сделаны изумительно. Ими хочется любоваться, как маленькими, тонкими и хрупкими фарфоровыми вещицами.

---

[21] С *Кирсановым Семеном Исааковичем* (1906–1972), поэтом, в ту пору близким к кругу Маяковского, ДС познакомился только спустя пару десятилетий. См. ПамЗ, гл. «Кирсанов».

[22] *Жорж* – Георгий Васильевич Острецов (1919–1984), друг ДС с дошкольных лет, а потом одноклассник. Впоследствии кандидат технических наук, доцент СТАНКИНа. См. ПамЗ, с. 123–128.

[23] *Ксенофонт* – древнегреческий писатель и историк V–IV в. до н. э.

[24] *Полибий* – древнегреческий историк III–II в. до н. э.

[25] *Сенека Луций Анней* (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ и писатель.

[26] *«Громокипящий кубок»* – стихотворный сборник Игоря Северянина, наст. имя – Лотарев Игорь Васильевич (1887–1941); издан в 1913 г.

Замолкнули взволнованные губы.
Ушел поэт, страдалец, человек.
Он выпил, как громокипящий кубок,
Свой пьяный грезами и вдохновенный век.

22.04

Я совсем не так увлечен Пушкиным, как им увлечены другие. Я согласен, что он большой талант, даже замечательный талант, что он создал русский литературный язык; но к чему же преувеличивать его значение? Зачем называть «единственным в мире гением»? По своим идеям Пушкин не очень высок и порой выражает прямо реакционные мыслишки. А тут за несколько стихотворений, написанных в период юношеского увлечения, его провозглашают чуть ли не революционером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.